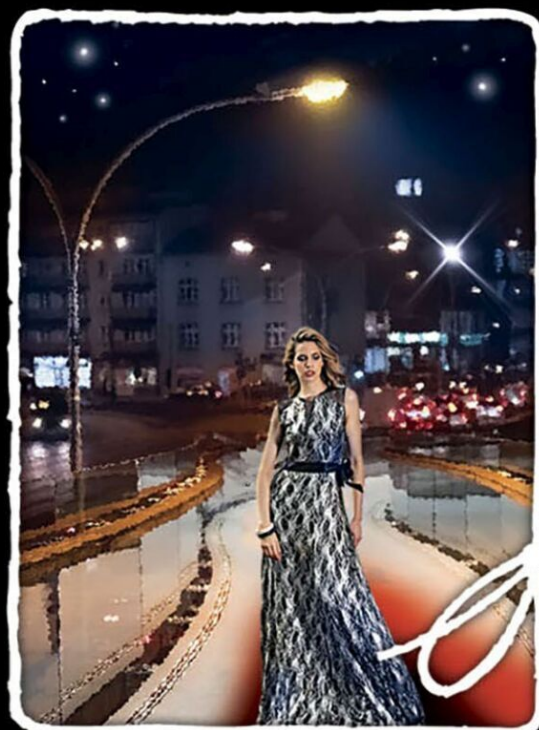

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

ДЕВУШКА
ВНЕ ВСЯКИХ
ПОДОЗРЕНИЙ

Екатерина Островская

Девушка вне всяких подозрений

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Островская Е. Н.

Девушка вне всяких подозрений / Е. Н. Островская — «Эксмо»,
2021

ISBN 978-5-04-161716-5

Начальник убойного отдела майор Гончаров и его жена Марина познакомились, когда он, в те годы еще простой опер, на ее глазах застрелил главаря опасной банды. Прошло пятнадцать лет, и вот единственный уцелевший тогда бандит выходит на свободу. Что он будет делать: искать пропавший общак с миллионами долларов или мстить тому, кто отправил его за решетку? Майор Гончаров убежден: он и его супруга в опасности. Но начальство и коллеги ему не верят, так что помощи ждать не приходится...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-161716-5

© Островская Е. Н., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	17
Глава четвертая	24
Глава пятая	27
Глава шестая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Екатерина Островская

Девушка вне всяких подозрений

© Островская Е., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава первая

В кои веки выдался незапланированный выходной – и на тебе! Позвонил дежурный по РУВД и сообщил, что нужно срочно выезжать на адрес, где обнаружен труп.

– Дайте мне хоть сегодня отдохнуть, – ответил Гончаров, – почти шесть вечера: пусть кто-нибудь из моих ребят туда едет.

– А нет никого – разбежались твои ребята, майор. Практикант один сидит, скучает.

– Какой практикант?

– Из школы милиции. В смысле, из университета МВД. Бери его и отправляйся. Да там и делов-то на часок всего, не более: суицид в чистом виде. Соседи участкового вызвали, а тот нам сейчас позвонил. Понимаю, конечно, всем не до этого: пятница, вечер, лето, дача, то да се, но надо же кому-то. А у тебя, Игореша, дачи нет...

– Теперь есть, – попытался возразить майор, – как раз сегодня ездил оформлять сделку.

– Поздравляю. Короче, подсказывай туда, а я отправлю эксперта и практиканта, они начнут, а потом... все быстрее получится. И не забудь, завтра с утра ты заступаешь дежурным по району.

– Кто там из участковых?

– Романов.

– Который из них?

– Николай Второй.

Участковых с такой фамилией в районе было двое: один – майор, Денис Иванович, а второй – капитан, которого родители в свое время, не подумав, назвали Коленькой, и теперь он вынужден до конца дней зваться Николаем Вторым. Но этот Романов был парнем хватким, Гончаров даже в свое время предложил Николаю Второму перейти к нему в убойный, а тот почему-то отказался, заявив, что в участковых ему спокойнее. Возможно, он был прав. Даже наверняка прав.

А у Дениса Ивановича Романова не было никаких прозвищ, да и звезд с неба он не хватал и, получив майорское звание, тихо ждал своей пенсии, особо ничем не проявляя себя. Хотя однажды составил протокол, который потом повесили на доску объявлений с визой начальника РУВД. В протоколе красным фломастером была подчеркнута одна фраза. «Тело обнаружено лежащим на диване. Глаза широко открыты – одного нет».

А виза полковника Жаворонкова, поставленная все тем же красным фломастером, была такая: «Умри, Денис: ты лучше не напишешь!»

Судя по всему, начальник районного управления внутренних дел был знаком с отечественной литературой, в частности, с творчеством драматурга Дениса Ивановича Фонвизина.

То, что убийства никакого не было, Гончаров понял сразу, подойдя к двери подъезда. Во-первых, на нем был домофон с переговорным устройством, камерой наблюдения, а также кнопкой вызова консьержа. Игорь достал из кармана удостоверение, поднес к глазку камеры и нажал на эту кнопку.

– Вы к кому? – вылетел из устройства женский голос.

– Майор Гончаров, убойный отдел.

Дверь открылась. Игорь подошел к стеклянной перегородке, за которой сидела пожилая женщина.

– Посторонние в течение дня заходили в подъезд? – спросил он.

– Никого не было, – ответила женщина и добавила: – А проживающие по нашей лестнице очень приличные люди; ранее судимых нет, лиц, ведущих антиобщественный образ жизни, тоже не имеется, конфликтов между соседями не случилось.

– Вас уже опросили? – догадался майор.

– Пять минут назад молоденький ваш в курсантской форме. Опросил и записал на камеру телефона.

– Номер квартиры напомниме, – попросил майор.

– Седьмой этаж, налево от лифта, сто пятая.

– Сто пятая? – переспросил Гончаров, удивляясь такому совпадению¹.

Он поднялся на лифте, повернул налево и сразу увидел распахнутую дверь квартиры, возле которой стояли понятия – немолодая женщина и парень лет тридцати: судя по тому, что на ногах у них были домашние тапочки, – соседи.

Майор вошел в квартиру, оказался в просторной прихожей, из которой выходили два коридора: один вел на кухню, а другой к комнатам. Дверь одной из них была открыта, и там находились люди. В комнате работала дежурная бригада, приехавшая на вызов. В коридоре стоял участковый Романов и наблюдал за действиями спецов. Увидев вошедшего в квартиру Гончарова, он двинулся ему навстречу, протягивая руку для приветствия.

– А тебя-то зачем сюда подтянули? – удивился он. – Я сразу определил, что это самоубийство, и эксперт тоже так думает.

– Всех соседей опросил?

Романов кивнул, а потом признался:

– Не всех. Но этим сейчас практикант занимается. Хваткий мальчик. Он сразу все стал на свой телефон фиксировать.

– Кто обнаружил труп?

– Жена. То есть теперь уже вдова.

– Опросил ее?

– Пока не получилось. Выяснил только, что она вернулась домой, обнаружила мужа висющим в петле, побежала к соседке, и там ей стало плохо... Соседка сначала мне позвонила, а потом «Скорую» вызвала... Врачи приехали, когда я уже здесь находился, вкололи вдове что-то успокоительное, потом пришли и посмотрели на труп.

– Что сказали?

– Сказали, что помочь уже ничем не могут.

Гончаров заглянул в просторную комнату. Судя по обстановке, это была гостиная с дорогой мебелью. За круглым столом сидел следователь Лячин и что-то писал. Стол был большой, на нем еще уместились открытый ноутбук, бутылка виски и пустой стакан, там же лежал мобильный телефон.

В комнате работал эксперт, за действиями которого внимательно наблюдал паренек в форме курсанта школы милиции. На полу лежал труп мужчины, но разглядывать его Гончаров не стал.

Следователь Лячин, увидев начальника убойного отдела, кивнул ему и, показав на бутылку, спросил:

– Хочешь глотнуть, там еще грамм сто осталось.

– Ты дурак, Лячин, и шутки у тебя дурацкие, – ответил Гончаров и показал глазами на практиканта.

– Виски «Джемесон» двенадцатилетней выдержки, – произнес эксперт, – такая литровая бутылка тысяч восемь стоит. А этот, – эксперт показал на труп, – выпил восемьсот граммов, может, даже больше: вскрытие покажет. Весу в нем вряд ли больше семидесяти, так что и без крюка это для него почти смертельная доза.

– Какого крюка? – не понял майор.

– Он на крюке для люстры повесился.

¹ Статья 105 УК РФ – умышленное убийство.

Гончаров придвинул стул ближе к центру комнаты, встал на него и поднял руки к потолку.

– Едва достаю, а покойный ниже меня.

– А он со стола в петлю сиганул. Со стола дотянуться можно.

– Кто проводил осмотр тела?

– Я, – отозвался из коридора участковый Романов, – след от асфиксии характерный для подобных случаев...

– Спрашиваю, что нашел в его карманах?

– Я туда не залезал.

– Он записку оставил, – сказал Лячин, – нет, даже послание в современных тенденциях.

Посмотри на компьютер.

Он повернул ноутбук, и Гончаров увидел белый экран, на котором темнела крупная надпись, сделанная, вероятно, самым крупным кеглем²:

«Да пошли вы все!!! Вова».

– Владимир Сергеевич Колужный, бизнесмен, – объяснил следователь и показал на тело: – Что-то его очень достало, раз сам в петлю полез.

– Николай Второй, будь другом, – обратился Игорь к участковому, – проверь карманы его брюк.

Романов вздохнул и наклонился над телом.

– В этом ничего, а во втором... тоже ничего.

– А в заднем?

– Где в заднем? – после некоторой паузы переспросил участковый.

– У мужских брюк есть задний карман, – напомнил Игорь, – некоторые участковые инспекторы там прячут записку от жены.

Романов посмотрел на паренька:

– Помоги, практикант, тело перевернуть.

Курсант подошел и начал помогать.

– Не боишься покойников? – спросил его Лячин.

– А чего их бояться, они уже ничего сделать не могут, – произнес паренек.

– Достойная смена растет, – одобрил ответ курсанта следователь.

Гончаров посмотрел на покрасневшее лицо паренька и понял, что тому явно не по себе.

– Нашел, – сказал участковый, доставая что-то.

Он протянул руку к Гончарову ладонью вверх, показал два презерватива в упаковке. Николай Второй положил их на стол и вздохнул.

– Не знаю, как и сказать.

– Презервативы, – произнес майор.

– Ну да, – согласился Романов, – только я хотел по-другому назвать.

– Контрацептивы? – подсказал Игорь.

– Как? – не понял Николай Второй.

Гончаров показал на лежащий на столе аппарат:

– Чей мобильный?

– Покойного, – ответил участковый.

Майор взял его, а потом махнул рукой практиканту:

– Пойдем с женой поговорим. То есть со вдовой.

Они вышли из квартиры. И сразу к ним шагнул молодой сосед:

– Можно мне все же уйти? Я спешу на работу.

– Только один вопрос: в каких отношениях были с покойным?

² Кегль – размер буквы или знака по вертикали.

– Ни в каких. Здоровались при встрече в лифте или во дворе. В их квартире был раз два: один раз на кухне, а другой – в гостиной, где он сейчас... Третий раз сегодня.

– Первые два визита чем были вызваны?

– Уф, – выдохнул мужчина, понимая, что разговор затягивается, и посмотрел на часы.

– Вы куда-то спешите? – поинтересовался Игорь.

– Обещал на работе, что вернусь сегодня. Я же домой заскочил, чтобы бумажник взять: там деньги, банковские карты. Бумажник в куртке остался, которая на мне вчера была, сегодня пошел в рубашке, а он...

– Так зачем вы заходили к соседям?

– В первый раз Владимир Сергеевич меня пригласил двадцать третьего февраля праздник отметить. Мы с ним посидели часа два, а потом я ушел, потому что его немного развезло. А второй раз я встретил его жену. Она из машины вытаскивала пакеты с продуктами, помог донести ей их до лифта, а потом и в квартиру занес. На кухне поставил все и ушел.

– Вы сказали, что соседа развезло? С ним такое часто случалось?

– Откуда мне знать? Мы же с ним встречались не так чтобы постоянно... Ну, может, пару раз видел в состоянии опьянения... Недавно он даже из своей машины выходил не совсем в адеквате.

– Вопросов больше нет... Погодите. А где вы работаете?

– Я фитнес-тренер, провожу занятия с мужскими группами.

– Сколько леж от груди жмете? – неожиданно поинтересовался практикант.

– Сто двадцать, могу и больше, но не пробовал.

– Ого! – удивился Гончаров. – А по виду не скажешь, что вы такой силач.

– Просто вы меня с голым торсом не видели, – обиделся мужчина и снова посмотрел на часы.

– Можете быть свободным, – сказал Игорь и посмотрел на практиканта: – Пойдем поговорим со вдовой.

Но сам не сдвинулся с места, посмотрел вслед мужчине, который поспешил к лифту.

– Бумажник не забыли? – крикнул Гончаров.

Фитнес-тренер остановился и, развернувшись, бросился к своей квартире. Пробегая мимо и не сбавляя темпа, махнул рукой:

– Спасибо, что напомнили: такое случилось, сами понимаете – голова не на месте.

– Пойдем? – спросил практикант.

– погоди, – ответил майор и посмотрел на паренька, – тебя как зовут?

– Петр.

– погоди немного, Петя. Ты, как я заметил, телефон держал в руке. Диктофон включал?

– Включал: все время записываю.

– Вас так учат?

Практикант молча покачал головой. Мимо пробежал фитнес-тренер и показал кожаный бумажник. И как раз подошла кабина лифта.

– А теперь, Петя, пойдем к вдове.

Им открыла пожилая соседка.

– Ну что вам все нейдет? – возмутилась она. – Ниночке и без вас так плохо, она только-только успокоилась. Меня лучше спросите: все про них знаю.

– Хорошо, – согласился Гончаров и направился вслед за хозяйкой на кухню. Женщина указала ему на стул, а практиканта как будто не заметила вовсе.

Майор окинул взглядом помещение и восхитился:

– Хорошо устроились. В дорогом доме, такая обстановка у вас. Квартира двухкомнатная?

Женщина кивнула и попыталась быстро объяснить:

– Я всю жизнь работала и накопила, потом после развода отсудила у бывшего мужа половину совместно нажитого.

– А муж чем занимался?

– Лесом торговал.

– Так что вы можете сообщить по существу?

– Про то, как они жили? – переспросила женщина. – Нормально жили, как все. То есть сначала он жил один, а потом женился и появилась Ниночка. Она была очень приветливой.

– Была, а теперь?

– Не так выразилась. Она и теперь такая, только стала очень грустной в последнее время.

– Почему?

Женщина пожала плечами, а потом шепнула:

– Володя пить начал. Я про мужа ее говорю, который сегодня... – Она показала глазами на потолок.

Практикант, оставшийся в дверях, посторонился, и на кухню вошла молодая женщина с распухшим от слез лицом.

– Вы из полиции? – тихо спросила она.

– Начальник отдела по раскрытию убийств майор полиции Гончаров, – представился Игорь и показал на Петю: – А это наш практикант.

– А что тут расследовать, когда и так ясно, что с Володи случилось...

На ее глазах выступили слезы.

– Так полагается, – объяснил Гончаров, – надо удостовериться, что смерть не носит криминального характера.

Вдова вздохнула, посмотрела на соседку, и та уступила ей свое место.

Нина села на стул, и только сейчас Игорь заметил, что у нее стройная фигура и опустилась она очень грациозно, слегка выпрямив спину.

– Есть предположение, почему он свел счеты с жизнью? – спросил Гончаров.

– Я не знаю, почему он это сделал. Вернулась домой, во дворе стояла машина Володи...

– Какая?

– «Тойота Прадо». Я поднялась. Вошла в квартиру, а там тихо... Позвала его... потом вошла и увидела, как он висит... Закричала... После этого ничего не помню.

– Так и было, – подтвердила соседка.

– Где работал Владимир Сергеевич?

– Он владелец туристической компании, – ответила вдова, – но не единственный: есть еще Коля... то есть Николай Ильич Лукин. У Володи сорок процентов акций, а у Лукина шестьдесят. В последнее время между ними как будто кошка пробежала. Доходы резко сократились... Коля, то есть Лукин, еще обвинил моего мужа черт знает в чем, будто бы Володя деньги не так тратит... А мой муж... – она закрыла лицо ладонями, – не знал, как оправдаться. Они ведь друзьями были, вместе бизнес начинали почти двадцать лет назад...

Гончаров достал из кармана телефон самоубийцы и посмотрел на запись звонков: последний исходящий с номера Колюжного был сделан два часа назад, то есть непосредственно перед самоубийством. Но вызов продлился две секунды, как видно, абонент не захотел с ним разговаривать. А до этого Николай Лукин звонил Колюжному сам, но было это в десять утра, и разговор длился без малого четверть часа. А еще в течение дня Колюжный четыре раза связывался с каким-то колл-центром. И больше контактов не было.

– Володя очень боялся Лукина, потому что тот в девяностые был бандитом. Николай на десять лет старше моего мужа, и вообще, он даже не улыбается никогда...

– Как вы познакомились с мужем?

– Десять лет назад с подружкой пришла в их компанию и приобрела тур в Тунис. И Володя тоже был в нашей группе... Мы с первого взгляда понравились друг другу, а когда

вернулись, Володенька сделал мне предложение. Жили, мечтали о детях, и вот такое несчастье...

Гончаров посмотрел на соседку:

– Вы не могли бы оставить нас наедине? Сейчас мой помощник запишет ваши паспортные данные... А вы еще расскажите Петру, что знаете об остальных соседях по площадке.

Хозяйка квартиры ушла вместе с практикантом. Только после этого майор спросил очень тихо:

– Почему у вас не было детей – вы что, предохранялись?

– Нет, – затрясла головой Нина, – мы оба страстно мечтали о детях...

– У вас прекрасная фигура, – продолжил Игорь, – какой фитнес-зал посещаете?

Женщина горько усмехнулась, судя по всему, вопрос был ей неприятен, но все же ответила:

– Да это уже все в прошлом. Да я особо и не посещала – так, заглядывала иногда... А зачем вы спрашиваете?

– У моей жены такая же фигура, ну может быть, почти такая, и я знаю, каких трудов это ей стоит. Да еще ей надо было мотаться: полчаса за рулем туда, потом столько же обратно. А здесь зал далеко?

– В соседнем доме. Неплохой, кстати.

– Сосед ваш там работает?

– Который? А, это молодой такой? Не знаю – может быть.

– Да бог с ним, с вашим соседом, – махнул рукой Гончаров, – он к делу не относится.

– Да, – согласилась женщина, – я его едва знаю. Он мне помог как-то продукты до квартиры донести.

Тут включилась мелодия звонка мобильного телефона.

– «Блэк мэджик вумен», – узнала Нина, – у моего мужа на входящем звонке точно такая же музыка стояла.

– Так это его аппарат и есть, – сказал Игорь и вышел из кухни.

Посмотрел на экран, вызов шел с номера абонента «Колл-центр».

Гончаров нажал на кнопку и вышел на лестничную площадку, прижимая телефон к уху.

– Алло, – прозвучал в трубке нежный женский голос, – ты меня слышишь?

– Слышу, – ответил майор.

– Это Володя?..

– Нет. Владимир Сергеевич ответить не может. Я немного позже вам перезвоню. Только вы скажите, как вас зовут.

– А вы кто?

– Я – майор полиции.

– Полиции? – удивился голос. – А что такое произошло? Вы можете мне объяснить?

– Объясню, только если вы назовете себя и скажете, по какому вопросу звоните.

– Передайте Володе, что звонила Вика и хотела узнать... Но это я ему скажу сама, потому что это очень личное.

– Я понимаю, вы хотели сказать, что любите его и ждете.

– Да, – совсем тихо произнесла девушка, – а что с ним? Его арестовали?

– Ничего не могу говорить. Просто нет сейчас времени. Перезвоню через часок, и мы пообщаемся.

Он постоял еще минуту, раздумывая, потом вернулся в квартиру и направился в комнату, где хозяйка с увлечением рассказывала что-то практиканту.

Женщина повернулась к нему:

– Слушаю вас.

– Этот парень, молодой, что здесь живет...

– Максим, что ли? Так он не живет, он здесь квартиру снимает. Где-то в январе въехал. Хороший парень: не курит, не пьет, не выражается. Женщин к себе не приводит. Плохого слова про него не скажу.

Гончаров вернулся на кухню. Вдова смотрела в окно, за которым была стена точно такого же дома – двойника того, в котором она сейчас сидела, правда, не в своей квартире, а за кухонным столом соседки.

– Кто-то звонил на телефон моего мужа? – спросила Нина.

– Да, – кивнул Гончаров, – звонил важный свидетель. Потом я связался с экспертами, которые уже работают по вашему делу, и получил исчерпывающую информацию.

– Какую?

Игорь ответил не сразу, а потом признался:

– Даже не знаю, с чего начать. – Он помолчал, словно обдумывая последующие слова, и перешел на почти доверительный тон: – Видите ли, Нина, статья сто пятая УК РФ часть первая, а именно убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы до двух лет или без такового.

– Зачем вы мне это говорите? – растерялась Нина. – Не понимаю.

– Максимальный срок могут присудить, если убийство связано с корыстными интересами: завладением имуществом убитого человека – квартирой, машиной, его долей в бизнесе. Пятнадцать многовато, конечно, но при хорошем и дорогом адвокате могут назначить и двенадцать, однако двенадцать лет тоже много. Это бесконечно много. Вам сейчас сколько?

– Мне сейчас тридцать два. Только при чем здесь я? Не понимаю, к чему эти намеки? Неужели вы могли подумать? Да вы что!

– Я ни на что не намекаю, просто рассуждаю. Минимальный срок по сто пятой части первой – шесть лет, но можно получить и меньше, если дело будет рассматриваться в особом порядке, когда подозреваемый еще до суда признает свою вину. В этом случае наказание будет две трети от минимального, то есть четыре года. При хорошем поведении можно будет рассчитывать на условно-досрочное освобождение. То есть пребывание в колонии составит уже не сорок восемь месяцев, а всего тридцать два, а с учетом нахождения под стражей до суда и того меньше – года два. В моей практике были такие случаи: два года вместо пятнадцати... Два года осужденные женщины работают в швейной мастерской...

– Я поняла, – медленно произнесла Нина, поднимаясь со стула, и повторила, уже почти разъяренная: – Я поняла, к чему вы клоните: вы хотите, чтобы я призналась в убийстве, которого не совершала. Вон из квартиры!

– Квартира не ваша, – напомнил Игорь.

Вдова вскочила со стула и шагнула к выходу, но на ее пути стоял полицейский, и она остановилась.

– Вы не совершали убийства, – согласился Гончаров, – но, вполне возможно, организовали его. Присядьте, пожалуйста. Я вам не враг и все сейчас объясню. Дело в том, что криминалистическая наука за последние лет пять шагнула далеко вперед. На крюке люстры остались отпечатки, на самой люстре, на клавишах компьютера...

– Нет там никаких отпечатков.

– Есть, даже если преступник действовал в гигиенических перчатках. Кроме того, внутри самих перчаток остались его потожировые следы... Опять же на веревке остается след латекса, из которого изготовлены перчатки, да и на самой перчатке след от веревки, на которой был подвешен ваш муж... Под давлением улики ваш сообщник пойдет на сделку с правосудием и получит четыре года, которые превратятся в скором времени в два. А вам как организатору и выгодополучателю – ведь вы же наследуете все состояние мужа – влепят все пятнадцать,

которые не уменьшатся ни в каком случае. А пятнадцать лет строгого режима в компании грязных уголовниц – уверяю вас, не все переносят.

– Я не понимаю, чего вы от меня хотите...

– Я не настаиваю, Нина, – с сочувствием произнес майор, – вы подумайте немного, а потом мы пройдем в вашу квартиру, заглянем в мусорное ведро или в корзину с бельем, короче, осмотрим все помещения самым тщательным образом. Очень скоро обнаружим перчатки, отошлем на экспертизу. После чего обратного пути уже не будет. Сколько лет Максиму сейчас?

– Какому Максиму?

– Вашему соседу. Мы же вспоминали о нем сегодня. А вы каждый раз переспрашиваете, будто не помните, о ком идет речь, а ведь он бывал у вас не раз: помогал заносить в дом продукты, задерживался...

– Ему тридцать, – ответила женщина, – кажется, тридцать... Но точно не знаю.

– Он выйдет из колонии общего режима, когда ему будет тридцать четыре, а может, и тридцать два всего. Он останется молодым мужчиной, сильным. А вам еще сидеть и сидеть на строгаче. Как вы думаете, станет ли он ждать вас тринадцать лет?

Нина задумалась, посмотрела в окно, вздохнула, повернулась к Гончарову и посмотрела на него так, словно хотела попросить о чем-то.

– Я не убивала, – тихо произнесла женщина, – это Максим. Он заметил, что у нас с мужем плохие отношения... То есть не то что плохие, а вообще никаких. Володя начал выпивать, завел себе любовницу. Хотел даже развестись, но не желал делить имущество... Он стал поднимать на меня руку, оскорблял постоянно. Сосед случайно стал свидетелем нашей ссоры... И я в таком состоянии отчаяния случайно поделилась с ним своим горем. А он сказал как бы в шутку, что в подобной ситуации любая женщина просто обязана обезопасить себя... Обещал мне помочь, потому что я очень нравлюсь ему... Сказал, что как-нибудь предложит Володе выпить вместе, напоит его до бесчувственного состояния и повесит... Я тогда подумала, что это шутка, потому что поверить в то, что человек, пусть даже из-за любви, может лишиться жизни другого, невозможно. Но вот видите сами, что именно так и случилось...

– То есть вы сами ничего не планировали?

– Нет, конечно, – возмутилась Нина, – как вы такое вообще могли подумать?!

Гончаров обернулся на дверь, за которой был коридор.

– Очень приличная пара, – прозвучал там голос соседки, – они так любили друг друга. Кто бы мог подумать, что такая трагедия случится!

Майор кивнул, словно соглашаясь с только что услышанным, и посмотрел на вдову:

– Сейчас мой помощник принесет лист бумаги, и вы все это напишете, только не забудьте указать, что вы не были в курсе преступных намерений человека, которого едва знали, и тогда хороший адвокат переквалифицирует статью сто пятую на какую-нибудь попроще, например, на двести пять точка шесть. А это или штраф в сто тысяч рублей, или, но это в самом худшем случае, один год в колонии-поселении. То есть год будете жить в сельском доме, ходить в лес за грибами...

– Какие еще грибы?

Гончаров достал из кармана свой мобильный.

– Вот, смотрите. Мы заходим в интернет... Ищем в поисковике текст Уголовного кодекса... вот... подгружается... Статья двести пять... Читайте сами. Думаю, что вас даже в следственный изолятор не отправят, до суда будет объявлена подписка о невыезде. За это время найдете хорошего адвоката, на деньги не скупитесь – эти крючкотворы иногда творят чудеса и людей, ранее не судимых, разумеется, порой оправдывают и за убийства... Вы прочитали статью?

– Два раза, – тихо ответила Нина.

– Петя, – крикнул майор, – не в службу, а в дружбу, попроси у хозяйки лист бумаги и ручку.

А практикант уже стоял наготове возле входа на кухню с пачкой листов для принтера.

– И все-таки я вам не верю, – тряхнула головой женщина. – С какой стати мне на себя наговаривать? Я же не знала ничего.

– Потому что вы сами жертва. Вы очень доверчивая. Я хочу помочь вам по двум причинам: главная – то, что вы очень похожи на мою жену, а вторая – то, что преступление должно быть раскрыто. А оно и так уже раскрыто: преступник получит свое, а вы, как я надеюсь, встанете на путь покаяния и найдете себе достойного спутника жизни... Да, еще не забудьте написать, что у мужа была любовница...

– Конечно, напишу, раз вы советуете, – согласилась Нина, – я и сама понимаю, как это важно.

– Конечно, именно поэтому ваш муж собирался развестись с вами. Максим как-то узнал об этом и предложил вашего мужа убить, но вы отказались... Вы даже решили, что это была неудачная шутка, а потому не заявили в полицию, о чем сейчас безумно сожалеете.

– Погодите, – попросила женщина, – не так быстро, а то не успеваю запомнить, что писать.

– Пишите на мое имя: начальнику отдела по раскрытию убийств майору полиции Гончарову Игорю Дмитриевичу. И посередине листа крупными буквами поставьте: «Явка с повинной».

Глава вторая

– Вы сразу догадались, кто убийца? – спросил практикант, сев в машину Гончарова.

– Нет, конечно. Но потом, когда обнаружили презервативы, подумал: зачем женатому человеку таскать их с собой, когда можно их хранить в семейной спальне. Потом сосед сказал, что он – инструктор по фитнесу. А увидев фигуру вдовы, я подумал, что, скорее всего, она тщательно поддерживает форму, а значит, работает на тренажерах. Тридцать два года, конечно, не приговор, но именно в этом возрасте женщины начинают уже следить за своим телом и сходить с ума от каждой складочки или морщинки. А потом во время общения понял, что Нина что-то не договаривает. Да и тренер этот показался странным: почти полгода живет здесь один, а женщин к себе не приводил. Ну, я и сопоставил. Дело-то не такое уж сложное: сорокадвух-летний мужик... кстати, мой ровесник, понял, что женился в свое время по дурусти. Маялся, маялся и наконец, найдя себе молоденькую, решился на развод. Зачем ему в петлю лезть, когда у него на стороне любовь со взаимностью? Жена поняла, что делить ей с мужем нечего: особых денег на счетах не было, квартира приобретена Колюжным до брака, а значит, супруга не могла претендовать на половину ее, акции предприятия стоят гроши, на что могла гражданка Колюжная рассчитывать? Разве что на половину автомобиля «Тойота». Но по потребностям Нины это для нее сущие крохи. Вот так я подумал.

– Интуиция?

– Может быть. А может, опыт. Но я всегда смотрю в глаза того, с кем беседую, и много вижу в них. Когда человек невиновен, ему бояться нечего – и это читается в глазах, а когда что-то скрывает, взгляд становится напряженным.

Игорь Дмитриевич остановил машину.

– Метро, – сказал он, – будешь выходить?

– А я в отделе сегодня не нужен буду?

– Нет, до понедельника ты свободен.

Петя взялся за ручку двери, приоткрыл ее и захлопнул.

– Получается так, что вдова уйдет от наказания?

– Не получится. Она провалится на первом же следственном эксперименте. На очной ставке со вторым подозреваемым. Ведь как все было: ее наивный любовник Максим напоил гражданина Колюжного до бессознательного, как и планировал, состояния, потом прицепил к крюку люстры веревку с петлей, обхватил двумя руками бесчувственное тело и приподнял над полом. А Нина накинула петлю на шею мужа, после чего Максиму оставалось только разжать захват. Сейчас нашего молодого силача доставят в отдел, я с ним побеседую: доходчиво объясню, что его использовали. Скажу, что Нина не собиралась выходить за него замуж: она молода, красива, считала себя уже богатой и могла найти пусть не очень молодого и не с такой, как у него, фигурой, но более достойного ее человека, с положением в обществе. Думаю, что он и сам это скоро поймет.

Паренек попрощался и вышел.

Гончаров позвонил жене и сказал, что постарается вернуться побыстрее – к десяти вечера наверняка успеет домой.

– К десяти? – удивилась Марина. – Ты же сегодня на весь день отпросился.

– Постараюсь вернуться раньше и погуляю с собакой.

Впрочем, с собакой гулял только он, хотя хозяйкой карликового шпица считала себя Марина. А собачке было все равно: шпиц таявбал на обоих одинаково громко.

Максим продержался недолго, было видно невооруженным взглядом, что он боится. Сначала, правда, пытался даже возмущаться, мол, его подозревают зря, тем более что всем

известно: сосед повесился сам. Потом Гончаров прочитал ему несколько фраз из показаний Нины.

– Я не знаю, зачем она так говорит, – помотал головой подозреваемый, – мы ведь с ней едва знакомы.

– Следствие проверит ее показания, и если гражданка Колюжная сообщила правду, она может пойти по статье двести пять точка шесть в случае, если прокурор передаст дело в суд. Если все-таки это произойдет, в чем я не сомневаюсь, то ваша подруга получит сто тысяч рублей штрафа, а вы, скорее всего, пятнадцать лет строгого режима.

– Это она, – прошептал Максим, – она сама предложила, сказала, как это можно сделать. Я отказывался, но она только об этом и говорила, потом требовать начала.

– Сколько она вам обещала?

– Нина сказала, что наше будет все, когда мы поженимся. У нас были отношения еще до того, как я снял квартиру на их площадке. Она посещала наш зал и сама познакомилась со мной... Но я никого не хотел убивать. Честное слово, не вру.

Максим произнес это и заплакал в голос, как маленький ребенок. Но он не был ребенком. Он был убийцей.

Гончаров гулял с собакой, когда ему позвонил начальник районного управления:

– Ты молодец, майор, за два часа раскрыл такое преступление. В понедельник объявлю тебе благодарность в приказе.

– Лучше премию выпишите.

– Будет тебе и премия. Кстати, как там Грицай?

– Какой Грицай? – опешил Игорь Дмитриевич.

– Какой, какой! Петя Грицай. Это же сын нашего Грини покойного, а ты разве не знал? Он сам попросился в наш... то есть в твой убойный отдел, которым когда-то руководил его отец.

Глава третья

Гончаров пришел в убойный шестнадцать лет назад. Начальником отдела тогда был майор Грицай, а заместителем у него – майор Корнеев³. Грицаю было сорок лет, а его заму тридцать два. И они дружили крепко. Начальника за глаза называли Гриня, он знал об этом и не обижался. Его заместителя называли просто Корнем, и ему это прозвище не очень нравилось.

Молодого сотрудника Корнеев сразу назвал Гончим, но это прозвище почему-то совсем скоро трансформировалось в более обидное – Гончая. Очень похоже на то, как называли милиционеров преступники в не таком уж далеком прошлом – Легавый.

Почти каждую пятницу после работы Гриня собирал коллектив отдела и говорил:

– Конец недели, ребята, как будем подводить итоги?

И Корень тут же предлагал:

– Пошлем Гончего по кругу, и он сам сообразит.

По кругу – значит, до ближайшего уличного павильона, где продавали пиво и вино, а для них держали что-то и покрепче. А потом в другой уличный павильон – с мясными продуктами. После чего он пробежал мимо прилавка азербайджанца Оруджа, торгующего свежими овощами, заглядывал в хлебный магазин. Ни за что платить не надо было: все им отдавали просто так – из уважения. Только за хлеб Игорь выкладывал свои кровные, потому что хлеб – это святое. Алкоголя много не брали: обычно две или три бутылки на пятерых, что для молодых здоровых мужиков почти что ничего. «Подводили итоги» часок, не более, а потом разъезжались по домам. К Гончарову все относились снисходительно, считая его пацаном, которого надо всему учить. Только майор Грицай никогда не называл его Гончим, а обращался за просто – Игореша.

Но потом все его зауважали, когда Гончаров задержал вооруженного преступника. Игорь шел по тихой улочке и увидел испуганную девушку.

Он подошел и спросил:

– Что случилось?

– У меня сумочку только что отняли, – объяснила она и показала пальцем.

Игорь увидел удаляющегося быстрым шагом высокого мужчину и бросился за ним. А тот, обернувшись, заметил преследование и рванул во дворы. Гончаров гнался за ним минут десять и настиг в гаражном городке. Преступник стоял в тупике, пытаясь отдышаться. Дальше бежать ему было некуда. Почему-то он сразу догадался, что его преследовал милиционер.

Достал из кармана нож и сказал:

– Ну все, начальник, ты сам напротился.

Схватка была недолгой. Преступник лишь два раза махнул ножом, первый раз попал по воздуху, а вторым ударом разрезал рукав кожаной куртки Гончарова, после чего Игорь, перехватив его запястье, выбил нож, бросил мужчину через бедро, перевернул на живот и, заломив обе руки грабителя ему за спину, стянул их собственным брючным ремнем. А потом пару раз ударил его по голове: коленом и носком ботинка. Для того только, чтобы тот не рыпался. Преступник был силен и если бы не так запыхался, то Гончаров вряд ли устоял бы против него.

Он хотел вызвать патрульную машину, но старенький мобильный разрядился, зато в сумочке девушки нашелся дорогой смартфон...

Она стояла на том же самом месте, патрульная машинка подкатила к ней. Когда Игорь выскочил на тротуар и протянул ей сумочку, девушка тут же схватила его за разрезанный рукав.

– Погодите, я деньги пересчитаю.

³ Читайте об этом в романе Екатерины Островской «Ваше неприкосновенное высочество».

Наличных денег в сумочке было немного – четыре тысячи рублей, не считая банковской карты и женских принадлежностей.

– Доедем до отделения, – предложил Игорь, – заявление оставите.

– У меня времени нет, – ответила пострадавшая. Тут же достала свой смартфон и позвонила куда-то. – Вы уже начали? А на меня бандит напал, но какой-то парень ханжного вида догнал его и вернул мне сумочку.

Слушать такое про себя было обидно, но хуже, если не будет заявления: тогда и дело о разбойном нападении не завести.

– Сейчас такси поймаю или частного и подлечу: мне тут всего ничего.

– Зачем кого-то ловить, – не растерялся сержант из патрульной машины, – мы вас в один миг доставим.

Парень оказался молодцом: он доставил ее прямиком в отделение и сказал, что ее не отпускают, пока не оставит заявление. А Гончаров вернулся в отдел, где его встречали как героя. Оказалось, что задержанный им грабитель находился в розыске: его искали по приметам за убийство, а ранее он был уже дважды судим за изнасилование и грабежи. Так что той девушке, назвавшей Гончарова хангой, еще повезло.

– Ты молодец, Игореша! Я в тебя всегда верил, – похлопал Гончарова по плечу начальник отдела. После чего Сергей Иванович посмотрел на других сотрудников: – У нас что сегодня, господа офицеры? Если не ошибаюсь, пятница? – Он посмотрел на часы: – О, самое время подводить итоги.

Игорь понял, что придется сейчас бежать по кругу. Он снял куртку, и все увидели, что порвана не только она, но и рукав рубашки, а на предплечье молодого сотрудника глубокая резаная рана.

Начальник РУВД объявил Гончарову благодарность в приказе и выписал премию – тысячу рублей. Потом что-то проснулось и в той девушке: она приехала в отдел вместе с папой, который сунул Игорю литровую бутылку конька «Хеннесси-экселенц». Но за «хангы» все равно было обидно, потому что уж на кого-кого, а на маргинала он точно похож не был и ту самую пострадавшую от ножа куртку приобрел не где-нибудь, а в далеком и туманном Сингапуре. Рукав Игорь зашил сам, потому что к двадцати шести годам был уже разведен и жил с мамой в двухкомнатной хрущевке.

Но это было пятнадцать лет назад, и за эти годы произошло многое, теперь мало кто помнил, что он был когда-то Гончим.

Теперь все называли его Игорешей, кроме разве что начальника РУВД полковника Жаворонкова, который ко всем обращался только по званию. И Гончаров был для него просто «товарищ майор», чаще просто «майор».

В субботу ранним утром Игорь Дмитриевич погулял с Баксиком, потом отправился на суточное дежурство. Про то, что произошло накануне, не вспоминал. Нина Колужная и Максим уже сидели в камерах предзака⁴. Дальше пошла работа следователей. А Гончарову предстояло суточное дежурство по РУВД – потерянный выходной. А потом и половина воскресенья уйдет на восстановительный сон, после которого не будет никакого облегчения, а только вялость. За воскресеньем придет понедельник, и опять все полетит по привычному кругу.

Он сидел в дежурке и смотрел телевизор, на экране которого шел розыгрыш лотереи. Открылась дверь, и вошел полковник Жаворонков, который махнул рукой вскочившему со своего стула майору:

– Сиди уж.

Жаворонков тоже сел и посмотрел на экран.

⁴ Предварительного заключения.

– Я с государством в азартные игры не играю, – произнес он.

– Так давно уже нет государственных лотерей, – напомнил Гончаров, – нынешние – это узаконенное мошенничество. Моя мама раньше покупала билеты с уже проставленными номерами и всегда получалось, что как раз не хватало для выигрыша тех, которых в ее билете нет.

– Ладно, – махнул рукой полковник, – в понедельник с утра отправлю представление о награждении. Какие у тебя есть награды?

– Медаль «За заслуги в укреплении правопорядка», а в прошлом году дали какой-то крестик второй степени.

– Не крестик, – усмехнулся начальник РУВД, – а нагрудный знак «За отличие в службе». У тебя ведь второй степени? Будет теперь и первая. Станешь полным кавалером, так сказать.

– Придется стать, – согласился Гончаров.

– Только не надо иронизировать. Тебя дважды в городское управление пытались взять, один раз я тебя не отпустил, а во второй уже сам рекомендовал, но не срослось.

– Корень зарубил, – напомнил Игорь.

Полковник кивнул:

– Значит, ты и про это знаешь. Не понимаю только, за что он тебя не любит, но даже слышать о тебе не может.

– А зачем ему меня любить, ведь я не девушка. Просто он считает, что это я виноват в смерти Грини.

– Ты бы чем мог ему помочь? Сережа домой ехал, а его уже на выходе из машины...⁵

– Да плевать мне на Корнеева.

– Ты погоди плевать. Виктор Николаевич сейчас в Москву переходит, будет возглавлять одно из управлений министерства. Так пока его нет, может, перетащим тебя в город. Хотя я бы лучше тебя при себе оставил, сделал бы замом по уголовному розыску, ты стал бы подполковником, а там, глядишь, и на мое место.

– Да я и сам не хочу: мое место не в кабинете, а на земле. Пока начальство по разным совещаниям и конференциям отчитывается, могу спокойно пивка выпить...

– Спасибо, что напомнил, – сурово посмотрел на него начальник РУВД, – я и сам собирался поговорить по поводу ваших пятничных посиделок в твоём кабинете. Ну, посидели и разошлись. А зачем вы к себе неделю назад девочек из отдела дознания позвали? Старший лейтенант Игнашова потом ходила от стены к стене.

– Оксана, что ли? – удивился Гончаров. – Так она и выпила всего-то полстакана водки, зато почти всю колбасу съела. Ей даже Петров намекнул, что ее к нам пригласили не колбасу жрать.

– Короче, заканчивайте с этим! Еще раз кто-нибудь пожалуется на вас или сам вашу пьянку накрою – тебе влеплю выговор.

– Понял, – согласился майор.

На самом деле Жаворонков в свое время и сам заглядывал к ним по пятницам, но давно, когда он был тридцатипятилетним майором и его только-только назначили заместителем начальника РУВД по следствию. Но потом убили Грица, Жаворонков стал подполковником, а еще раньше ушел в ГУВД Виктор Корнеев. А сейчас Алексей Иванович в районном управлении поднялся на одну ступеньку, а Корень взлетел на самый верх – теперь он генерал-майор полиции и первый заместитель начальника ГУВД. А скоро переберется в Москву и там возглавит одно из управлений министерства. Через годик получит на погоны еще одну звезду, и откроется ему прямая дорога в заместители министра.

Жаворонков поднялся.

⁵ Читайте об этом в романе Екатерины Островской «Ваше неприкосновенное высочество».

– Я вообще-то на фазенду ехал и решил заглянуть. А ты, как я слышал, тоже дачу купил.

– Игнашова раскололась? – догадался Игорь. – Только я купил не дачу, а десять соток картофельного поля с баней и деревянным сараем. Деревня, правда, в получасе езды от кольцевой. И за это удовольствие мы с женой заплатили миллион рублей.

– Откуда у тебя, майор, такие деньги?

– А у меня вообще денег нет. Это жена накопила.

– Привет ей передавай. Я ее помню молоденькой совсем, как она шпагат демонстрировала на новогоднем корпоративе.

Этот шпагат вспоминали многие и так часто, что Гончаров устал объяснять, что его жена вообще не употребляет спиртное, а тогда на корпоративе в арендованном районным управлением ресторанчике выпила шампанского, а потом еще чего-то и продемонстрировала свою растяжку. Никто ведь не напоминает начальнику РУВД, что его собственная жена, дорвавшись до халявного караоке, никого не подпускала к микрофону и полночи мучила собравшихся своим вокалом:

– Любовь, похожая на сон, счастливым сделала мой дом...

А жена Гончарова утром не помнила ничего.

Потом уже Игорю прислали запись, сделанную на камеру телефона одним из следователей. Толпа встречающих Новый год полицейских собралась в кружок в центре зала и наблюдает, как Марина опускается на шпагат под писклявый голос жены начальника РУВД:

– Раз пошли на дело, выпить захотелось...

Но вспоминать это желания не было. Видео было отправлено не только Гончарову. Того, кто сделал запись и разослал ее почти всем, вычислить не составило труда. Следователь Лячин даже не стал отпираться.

– Ну и что особенного, – сказал он, – что хочу, то и снимаю.

– А почему ты не распространил компромат на свою жену? – поинтересовался Игорь. – Она вытаскивала танцевать Жаворонкова, висла на нем и требовала назначить тебя – капитана – всего-навсего замом по следствию.

– Всего два раза она с ним танцевала и ничего не просила.

– Не просила, – согласился Гончаров, – она ему приказывала.

– А твоя вообще... – начал Лячин, но увидел глаза начальника убойного отдела и замолчал.

Но и без того было понятно, что он хотел сказать. Марина, которая носила теперь фамилию Гончарова, была задержана самим Игорем по подозрению в причастности к банде, промышлявшей похищением людей и убийствами. Банду пыталась обнаружить специально созданная в городе оперативно-следственная группа, но вышел на нее майор Грицай. Не то чтобы вышел, просто в отдел поступило сообщение, что на территории гаражного кооператива стали появляться подозрительные люди. А в одном из гаражей, в котором, по уверению сторожа, есть большой подвал, постоянно кто-то находится.

Сначала Грицай хотел отправить туда одного Гончарова, приказав на всякий случай надеть бронежилет, но в последний момент, когда Игорь уже хотел выйти из кабинета, сказал, что они поедут вместе.

Они миновали шлагбаум, Гриня решил зайти в будку сторожа, чтобы расспросить того и узнать подробности. Игорь стоял возле дежурной машины и видел, как к выезду не спеша приближался черный внедорожник. Гончаров смотрел на подкатывающий автомобиль, разглядел двух парней на передних сиденьях и вдруг понял, что это как раз те, кого они, да и не только они, разыскивают. Он выхватил из кобуры пистолет, внедорожник рванул прямо на него, пришлось отскакивать в сторону. Прозвучали два выстрела. Гончаров не удержался на ногах и упал, ударившись грудью обо что-то, тут же поднялся, а автомобиль с преступниками

уже выскочил на пустынную улочку без домов, идущую вдоль гаражного городка. Она вывела на оживленную магистраль, а другим концом упиралась в свалку строительного мусора. Игорь выскочил на эту улочку и начал стрелять вслед уходящей машине. А рядом гремели выстрелы – это подоспел майор Грицай. Внедорожник вильнул к обочине и тут же вернулся на центр дороги.

Оперативники прыгнули в служебную машину: Гончаров за руль, а его начальник на место пассажира.

– Я, кажется, водителя зацепил, – сказал Гриня, вставляя новую обойму.

– А я по колесам стрелял, – признался Игорь.

Внедорожник все больше удалялся от них: вазовской «девятке» не под силу было тягаться с ним. Выскочили на широкую улицу, по которой двигался в обоих направлениях общественный транспорт. Подлетели к перекрестку, где как раз заканчивал мигать зеленый глаз светофора.

– Давай на желтый, – приказал Грицай, – успеем проскочить.

Но не успели, потому что по пешеходной дорожке уже двигались люди. Гончаров нажал на тормоз и повернул руль влево. Машину выбросило на встречную полосу, и она боком влетела в стоящий рейсовый автобус.

– Ты как, Игореша? – спросил майор.

– Мне-то что – мы твоим боком въехали.

– Я не про то: в тебя же стреляли у шлагбаума. Из «Крузера» того два раза пальнули, и ты упал.

– Со мной все нормально... – сказал Гончаров и вдруг почувствовал, что не может вдохнуть.

Пуля, летевшая в него, ударила в грудь, но сплюснулась от удара в бронесталь и застряла в ткани бронежилета. А ему показалось тогда, будто это он сам упал.

– Кажись, ребро сломано, – сказал Игорь и поморщился от боли.

А его начальник уже с кем-то беседовал по рации, называя марку машины и номер.

Сгоревший «Лендкрузер» обнаружился через четыре часа как раз на свалке, неподалеку от въезда в тот самый гаражный городок. Преступники просто сделали небольшой круг и вернулись. И почти наверняка наблюдали, как мимо проехали машины дежурных служб, как вскрывали гараж, в котором и в самом деле был подвал, оборудованный для содержания заложника, которого, судя про всему, собирались привезти сюда в самое ближайшее время.

А может, преступники и не стали наблюдать, за ними сразу приехала другая машина. То есть не за ними, а только за одним, если, конечно, в «Лендкрузере» было не больше двух человек. Один так и остался в машине, когда ее поджигали. Как выяснилось, бандит был ранен в спину выстрелом из пистолета Гончарова, а потом его кто-то добил пулей в затылок. В машине нашли простреленный и обгоревший приемник, по уверению экспертов, с полицейским диапазоном: следовательно, преступники прослушивали все переговоры и знали, где перекрывают дороги и какие силы брошены на их поимку.

Врачи перетянули Гончарову грудь эластичным бинтом и отправили его на больничный. Маме Игорь сказал, что поскользнулся и ударился о ступеньку. Он лежал дома уже три дня, а его начальника в это время пропесочивали на всех уровнях: якобы он сорвал операцию нескольких ведомств по задержанию особо опасных преступников.

– Если вы знаете, кто они и где их искать, – не выдержал Гриня на разборе происшествия, которое проводили в городском управлении, – так задерживайте – я мешать вам не буду...

Его тут же предупредили, что если он еще откроет рот, то будет уволен из органов, а вообще таких, как он, любителей пострелять много, а вот когда надо головой подумать, желающих нет. Еще поинтересовались, почему на разборе нет старшего лейтенанта Гончарова, кото-

рый в немалой степени способствовал тому, что бандиты не были задержаны. Грицай объяснил, что преступники первыми начали стрелять по старшему лейтенанту, ранили его, и только тогда он открыл ответный огонь, чем спас своего начальника.

– Повезло ему, – вздохнул кто-то из начальников, – а так бы мы ему вклеили выговор.

На этом разбор закончили.

В тот же вечер Грицай заехал к Игорю поинтересоваться его здоровьем. Мама тут же побежала в магазин, чтобы принести что-нибудь к чаю. Когда они остались наедине, Сергей Иванович рассказал о том, как прошел разбор.

– Самое поганое, что в этом безобразии участвовал подполковник Корнеев, – сказал он, – и Корень не сказал ни слова в нашу защиту. Спросил только, что мы собираемся предпринять. Пришлось говорить, что ничего, потому что есть люди более опытные, умеющие думать головой.

– А на самом деле? – спросил Игорь, зная, что спокойствие начальника отдела обманчиво.

– На самом деле мы продолжаем заниматься этим делом. Я узнал WIN сгоревшего «крузака», он числится за жителем Новгорода. Связался с новгородскими сыскарями, и те сообщили, что хозяин машины в долгосрочной отлучке, а его автомобиль стоит в гараже, но тот открыли – а внутри пусто. А что там должно было быть, когда «крузак» сгорел чуть ли не на глазах оперов из городского управления? Хозяин вроде как траловый мастер, как сообщили его знакомые – не друзья, заметь, а почти посторонние люди, потому что этот человек в Новгороде проживает около года, а прибыл он туда то ли из Мурманска, то ли с Дальнего Востока, куда, по их словам, он решил вернуться на сезон, чтобы выйти в море на каком-нибудь сейнере. Он типа такой хороший специалист, что его возьмут куда угодно. Ты понял?

– Похоже на то, что человек заранее создал легенду, а на самом деле пока осел на дно, чтобы всплыть потом в нужный момент.

– Точно. Я решил проверить, когда было первое похищение. Одиннадцать месяцев назад в Подмосковье. Тогда похитили сына одного авторитетного бизнесмена и потребовали выкуп якобы в качестве возврата какого-то старого долга. Тот, разумеется, в полицию обращаться не стал, представлял, очевидно, от кого могла поступить предьява, и забил стрелку. На встрече что-то сразу пошло не так: началась перестрелка – авторитет потерял нескольких человек, но сам даже ранен не был. После чего ему пришло новое сообщение, мол, теперь с тебя не полляма, а лимон евро. И прислали отрезанное ухо ребенка. Пришлось бабки отдавать. И вот самое главное – способ, каким он передавал деньги. Ведь все хорошо знают, что на передаче денег попадают сейчас все похитители. В тот раз его попросили упаковать двадцать пачек пятисотками евро в спортивную сумку и выехать из дома в определенном направлении. За ним отправились его бойцы, ожидающие команды. Бизнесмена попросили остановиться на мосту, выйти из машины и сбросить сумку в реку. Он тянул время, но прилетела пуля и разбила лобовое стекло его «мерса». А голос в телефоне приказал поторопиться, потому что следующая пуля сделает дырку в его голове, а сыну отрежут не только ухо. Авторитет вышел из тачки и сделал все, что от него требовали.

– Под мостом стояла лодка с мотором?

– Ничего там не стояло. Сумка упала в реку, но не утонула сразу, течение потащило ее под мост, но с другой стороны она не вышла.

– Аквалангист?

– Почти наверняка. Если бы подключили полицию, то вряд ли у них что-нибудь получилось: был бы задействован вертолет, в пачках денег спрятали бы маячок... Но вышло так: мальчика вернули – без уха, правда. А его родитель недолго радовался: за то, что он перестрелял чужих людей, его самого приговорили. Прожил он недолго. На сходе воров подняли эту тему, и все сказали, что никто к похищению ребенка отношения не имеет: ни местные, ни залетные. Авторитетный авторитет не поверил и начал всем угрожать. В прессу ничего не

попало. А потом был еще один случай. На сей раз у нас в городе. Тоже без шума. На этот раз похитители не ребенка, а самого бизнесмена отвезли в мрачный подвал, и он почти неделю переводил деньги со своих банковских карт на указанные счета в ближнем зарубежье. При поступлении деньги обналичивались сразу в банкоматах людьми в масках.

– То есть работает большая преступная группа?

– Очевидно, а потому полученных за эти месяцы денег на всех не хватит. Одним участником благодаря твоему меткому выстрелу стало меньше. А теперь, когда мы накрыли их подвал, будем надеяться, что в нашем городе они не рискнут пойти на новое преступление. Они же видели номер нашей дежурной машины, а узнать, к какому отделу она приписана, труда не составит. К тому же есть подозрение, что мы с тобой разглядели их лица.

– Я видел только мельком, когда они к шлагбауму выезжали. Так не вспомню примет, но если встречу, то узнаю.

– Ты – счастливый человек, а я не видел ничего, стрелял в заднее черное тонированное стекло наугад. Так что сиди дома, они будут караулить нас... То есть будут дожидаться тебя непосредственно возле РУВД.

– А если они придут сюда, похитят маму?

– Не волнуйся, я попросил оперов, и они дежурят возле вашего дома, отслеживают все подозрительные машины и людей. А когда твоя мама выходит, ее сопровождают.

– То есть до работы и обратно.

Грицай кивнул и произнес:

– Пока все чисто.

– А есть фото товарища из Новгорода?

– Есть, но соседи по дому по фото не опознали его. Сообщили, что тот, кто жил рядом, моложе. Один даже сказал, что тот похож чем-то на осетина. Якобы он сам некоторое время жил во Владикавказе и тип мужчин из тех краев ему хорошо знаком. Отметил только, что по-русски говорит без какого-либо намека на акцент. Пользовался документами на имя Сергеева, но после потери «крузак» наверняка от них уже избавился. Внешние приметы: рост метр восемьдесят пять плюс-минус. Очень спокойный и немногословный. Мне кажется, что он никак не связан с криминалом... То есть его нет в нашей базе. Зато он в курсе многого: как проводятся оперативные мероприятия, как уйти от наблюдения, как действовать в тех или иных обстоятельствах. Предполагаю, что это бывший мент – возможно, наш коллега, опер. Не случайно в машине нашли приемник с полицейскими частотами. Уволился по собственному или его попросили из органов, скорее всего, больше года назад... Проверить всех уволенных оперов, сам понимаешь, не могу.

– А если попросить Корня?

– К нему не буду обращаться: Витя уже не тот. Его жена Ирочка вдруг стала владелицей большого мебельного салона... Тот оформлен на какую-то ее престарелую родственницу. Они еще прикупили участок земли в Юкках, а цены там такие!.. Короче, мы сами управимся. Кое-что нам уже известно. Возможно, преступник думает, что мы знаем больше, что нам известны его приметы, и попытается исчезнуть. Хотя что-то мне подсказывает, что он так просто не уедет. Сделает то, для чего он приехал сюда и притащил с собой свою банду. И еще он наверняка захочет показать, что мы против него слабаки: увольнение из органов он считает несправедливым. Ему надо доказать всему миру, что он лучший. И еще он хочет нам отомстить за то, что мы прикончили его друга.

– Я его только ранил. А прикончил кто-то другой.

– Он же его и прикончил, а нас теперь считает виновными в его смерти.

Открылась дверь, и в маленькую квартирку вошла мама.

– Сейчас будем пить чай, – объявила она.

Глава четвертая

Он вернулся с дежурства с единственным желанием поспать хотя бы пару часов. Сначала, конечно, Марина отправит его гулять с Баксиком, полчаса он будет ходить с ним подальше от мест, где своих питомцев выгуливают хозяева крупных собак, а среди них много агрессивных – и псов, и их владельцев. Баксика несколько лет назад покусал неадекватный стаффорд; досталось и Марине, которая бросилась оттаскивать от своего любимца разъяренного пса. Теперь Баксику больше четырнадцати лет: зубов у него почти не осталось и он плохо видит. Но Марина после того случая с ним не гуляет, она патологически боится крупных псов, да и не очень крупных, вообще всех собак. А уж когда те гуляют без намордников, это вообще страх и паника.

Но в этот раз она встретила мужа уже готовой для путешествия: в квартире у входа стояли две дорожные сумки, большой зонт в чехле – похожий на те, что стоят на пляжах. А еще пакет с древесным углем.

– Мы куда-то собрались? – поинтересовался Гончаров, скидывая кроссовки.

– Как – куда? – сделала удивленные глаза Марина. – Мы же договорились, что едем в воскресенье на дачу. Зря, что ли, купили?

Вообще-то Игорь не помнил такого разговора, он думал, что погуляет с собачкой, вернется и устроится на диване.

– Я с Баксиком уже погуляла, – продолжала жена, – мы с ним вместе в магазин ходили. Я его все время на ручках держала, он чуть пачку сосисок не стащил.

– Кто задержал преступника? – поинтересовался Гончаров. – Протокол составили?

Но жена не оценила юмор.

– Бери сумки и спускайся к машине, а я возьму Баксика – и следом. Только ты проверь, чтобы там не было собак без намордника.

Машину оставили на дороге, потому что отдельного въезда на территорию не было. Пришлось перепрыгивать через неширокую канаву и тащить все вещи к старой баньке.

Почти сразу появился сосед, бывший еще позавчера владельцем земли, подошел, поздоровался и уставился на пакет с древесным углем.

– Это что? – спросил он.

– Уголь, – ответил Гончаров.

– Я и сам вижу. А зачем он вам? Вы что – миллионеры, деньги на ветер выкидывать? У меня вон сколько дров – берите сколько надо без всяких денег. На шашлыки позовете – и на том спасибо, а если еще стаканчик нальете...

– Какой тебе еще стаканчик, – возмутилась внезапно возникшая из-за кустов малины его жена, – будет тебе уже стаканчиков! Как говорится, слазь – кончилось твое время!

– Да я и не пью, – успокоил ее Игорь, – я за рулем, как вы сами можете убедиться.

Мангал Гончаров соорудил из старых кирпичей, которые стояли стопкой возле бани. Начали растапливать дровами, а потом сверху Марина высыпала привезенные угли. Когда на мангал положили шампуры с мясом, снова появился сосед.

– Я чего заглянул, – начал объяснять он, – спросить хотел: вы строиться скоро начнете?

– В этом году не планируем, – ответил Игорь, точно зная, что в ближайшее время не будет никакого дома, если он будет вообще. – Конечно, пристроечку надо бы какую-то сделать к бане, потому что внутри тесно...

– А сажать что будете?

– Я планирую посадить розы, – поделилась своей мечтой Марина.

Бывший хозяин земли задумался.

– Я вот по какой причине интересуюсь, – начал объяснять он, – если вы не планируете сажать ничего ценного, то можно мне напоследок тут картошку посадить... Не везде, а так, чтобы вам туда-сюда проходить можно было.

– Какая картошка? – удивился Гончаров. – Июнь на дворе.

– А что? Сейчас посажу, а в октябре выкопаю – такая крупная, тебе скажу... У меня семенной фонд знаешь какой! Сам-десять называется. Один клубень закопал, а осенью десять картошин из него получается, да такие крупные все – белые, рассыпчатые, когда сваришь. Я вам потом мешок дам на прокорм. Мы сами в девяностые только картошкой и спасались. Курочек еще держали, поросенка как-то завели, а потом что? Резать его надо. А как? Он ведь как родной нам уже был. Имя свое знал, отзывался на него, прибежит, бывало, и хвостиком дрык-дрык. Мы его Борькой называли в честь одного хрена...

– Да ладно тебе, – остановила мужа подошедшая соседка и посмотрела на Гончарова: – А вы сами в девяностые чем занимались?

– Учился в мореходке, потом в плавание ходил.

– Моряк, значит, – покачал головой сосед, – опасная у вас специальность!

– Мой муж сейчас в полиции служит, – сказала Марина, – начальник убийного отдела в районном управлении.

– В полиции? – не поверил сосед. – Да я сам здесь участковым отмантулил почти сорок лет. Уважаемым, можно сказать, человеком был. Убийств на участке, правда, не много было. Разве что по пьяни. А так все больше драки с нанесением увечий мелкой и средней тяжести. А потом, когда с алкоголем боролись, вообще неважноту было. Начальство требует отчетности – давай конфискуй, дела возбуждай. А какая тут может быть отчетность, когда все вокруг гонят. А начальство гнобит, говорит, что мы демократическое государство строим, а там самогонщики не нужны.

– А сейчас никто не гонит?

– Как никто? – удивился сосед. – Все гонят, только в еще бо`льших масштабах. Потом ходят в гости друг к другу и обмениваются продуктом, выясняют, у кого лучше. Порою до драк доходит – спор ведь, но убийства не случалось пока. Но у нас и участковый хороший. Майор Францев Коля. Может, слышали про такого? Ему орден дали за то, что маньяка поймал, который душил всех в округе.

– Так маньяки у вас все-таки водятся? – осторожно поинтересовалась Марина.

– Теперь нет. Да он и не наш был. Он городской сам – дворец себе неподалеку отгрохал. Потом его следователь Кудеяров пристрелил⁶.

– Вы же сказали, что участковый.

– Ну да, – согласился старик, – следователь застрелил, а орден дали участковому. Ну и правильно, я считаю. Коля Францев – хороший парень. Как ему орден дали, сразу и женился, теперь у них двое детей.

– А вы кем работаете? – обратилась соседка к Марине.

– У меня барбершоп, – ответила Гончарова.

Старики недоуменно переглянулись. Потом сосед посмотрел на Марину.

– Бабье, простите, что? – тихо поинтересовался он.

– Парикмахерская, – объяснил Игорь.

– У-ух, – выдохнула соседка, – а я уж, грешным делом, подумала, что это болезнь какая.

– Парикмахерская тоже ничего, – произнес старик, – но себя я стригу сам.

– А жену вашу тоже вы подстригаете? – спросила Марина.

– А чего ее стричь, – махнул рукой сосед, – у нее и волос-то не осталось. А раньше такая коса была! Ниже этой самой... Все оборачивались и завидовали. Бабы – косе, а мужики – мне.

⁶ Читайте об этом в романе Екатерины Островской «Демоны прошлой жизни».

Он засмеялся.

– Дурак, – сказала его жена, хлопнула мужа по руке и тоже рассмеялась.

– Ну, ладно, – подвел черту сосед, – давайте еще раз представимся друг другу, – он показал на мангал с шашлыками, – на этот раз уже в неофициальной обстановке. Я для вас теперь не Дмитрий Иванович, вроде академика Менделеева, который водку изобрел, а просто дядя Митя. А моя жена теперь не Надежда... эта самая, Петровна, а просто баба Надя.

Сосед посмотрел на шашлыки, достал из кармана пачку папирос, протянул ее Гончарову, но тот отказался.

– Вишь, как оно получается, – перешел Дмитрий Иванович на доверительный лад, – я, стало быть, дядя, а жена моя – не тетя вовсе, а сразу – баба. Такая вот жизненная философия, одним словом.

– А дети у вас есть? – спросила Марина.

– Дети? – повторил дядя Митя. – Был сын. Да бог забрал. Его в Чечне убили. Мы как раз картошку сажали. Подъехали из военкомата и сообщили. Похоронку вручили, как полагается. Надюша сразу тут же и упала – инфаркт у нее случился. Вот так живем теперь одни на земле. А на миллион, что от вас получили, мы Коле нашему памятник на могилке поставим, а то там просто табличка.

Соседи принесли небольшой стол. Марина выставила на него привезенную снедь, а потом и шашлыки. После того как трапеза завершилась, Надежда Петровна пошла показывать новой соседке свое хозяйство и яблоневый сад. Дядя Митя обернулся, провожая взглядом женщин, а потом достал из внутреннего кармана пиджака бутылку.

– Давай по рюмашке ради дегустации. Это продукт моего собственного производства, я его на смородиновых почках настаивал.

Гончаров отказался. Сосед вздохнул, а потом сказал:

– Я хотел просто поговорить. С женой-то о чем разговаривать: все давно уж переговорено. Она только рот собирается открыть, а я уже знаю, чего она сказать хочет. Ты со своей часто разговоры ведешь?

– Когда только познакомился с ней, мог говорить часами. Я ее допрашивал: Марина была подозреваемой.

– Но не села? – уточнил дядя Митя.

– Была подозреваемой, потом стала свидетелем, а потом и пострадавшей ...

Глава пятая

Гончаров, несмотря на сломанное пулей ребро, все же вышел на работу, чем удивил начальника отдела.

– Старший лейтенант, – строго произнес Грицай, – тебе же было приказано сидеть дома до полного излечения. Лежи и лечись!

– Я все равно на подоконнике целый день. Во двор выглядываю, нет ли чего подозрительного. Но у нас и дворик-то маленький – укрыться нигде нельзя – все просматривается..

– Завтра продолжишь наблюдение. А поскольку ты здесь, примешь участие в совещании. На сегодняшнее утро уже есть кое-какие подвижки.

Когда все четверо сотрудников отдела собрались в кабинете начальства, майор сразу перешел к делу и сообщил, что обратился в управление кадров ГУВД с просьбой узнать фамилии сотрудников, уволенных из органов год назад плюс-минус пару месяцев.

– Я указал параметры: рост, возраст, сообщил, что подозреваемый предположительно был опером, возможно, у него осетинский нос...

– Да ну? – усомнился старший лейтенант Иванов. – Они даже по носу могут кого-то найти?

– Не могут. Но я стоял рядом с компьютером и сам просматривал всех, кто хоть как-то соответствовал. Я думал, что придется возиться долго, но выяснил, что из управлений регионов, которые меня интересовали, только пятеро уволенных сотрудников как-то соответствуют нашим данным. Из них двое – просто идеально подходят, чтобы заинтересовать нас. Один уволен по служебному несоответствию – бывший старший лейтенант. Он сейчас горбатится в коллекторском агентстве, светится в соцсетях, размещает свои снимки с накачанным торсом – предполагаю, что тупой. А мы ищем умного, осторожного, циничного...

– И жестокого, – подсказал старший лейтенант Иванов, – вспомните про отрезанное у мальчика ухо.

– Помню. Правда, мальчику было шестнадцать, он организовал сбыт наркотиков в своей школе, а потом выбивал долги. Мальчика несколько раз брали с поличным и отпускали, потому что папаша, которого потом застрелили, решал вопросы на всех уровнях... Теперь второй. А вот тут попадание, как мне кажется, в яблочко...

Грицай выдвинул ящик стола и достал несколько листов:

– Разбирайте и смотрите.

Гончаров взял лист, на нем была распечатана на принтере фотография молодого человека в полицейской форме с погонами капитана.

– Знакомьтесь: бывший капитан Михаил Борисов. Имел кучу благодарностей и поощрений, награжден двумя ведомственными медалями: «За отвагу» и «За проявленную доблесть». Уволился по собственному, но в характеристике сказано, что проявлял излишнюю жестокость к задержанным, пытаюсь получить показания. Говоря не казенным, а нормальным языком, выбивал показания.

– Он служил в спецназе, раз у него такие награды? – догадался Гончаров.

– В спецназе, а потом опером уголовного розыска. Первое, что меня сразу привлекло: он родился в Осетии, в городке Ардон, откуда была родом его мать. А вы говорите нос. Если бы не наблюдательный житель Новгорода, мы бы его вовек не вычислили. Я-то просто предположил, что мы ищем мента, ткнул, как говорится, в небо пальцем. А ведь сработало. В соцсетях этого парня нет. Последние пару лет он не приобретал каких-либо сим-карт, по месту постоянной регистрации не проживает. Я нашел номер телефона участкового, попросил его проверить квартиру, но тот сразу ответил, что и так хорошо знает: квартира была сдана через агентство. Теперь там проживает женщина-предприниматель.

– Но деньги за аренду она кому-то отдает или переводит на карту?

– Деньги она отдала наличными за год вперед. Дама согласилась, потому что стоимость аренды в таком случае была значительно ниже. Участковый выяснил и это. Он сообщил, что женщина развозит по рынкам мед, получаемый из Башкирии, откуда она сама родом. Ей чуть больше пятидесяти, и не думаю, что она как-то связана с Борисовым. Теперь задание всем, кроме Гончарова, который нужен мне здесь. Берете по фотографии и отправляетесь искать. Кто-то обходит участковых, кто-то торговые точки, где нет видеокамер, автостоянки и другие места, где мог бы засветиться бывший капитан. К сторожу стоянки я уже заскочил сегодня с утра: там работают посменно двое, но я застал обоих, и оба сказали, что видели этого человека. Он приезжал на черном «Лендкрузере» – том самом, который потом сгорел.

– А если Борисов в другом районе скрывается? – спросил капитан Иванов.

– Не исключено. Но до нашей с ним встречи он наверняка был поблизости, поэтому гараж с подвалом он здесь нашел, рядом с местом своего обитания. Сторожа показали, что к этому гаражу приезжали всего около пяти человек, приблизительно одного возраста – от тридцати до сорока лет. Все крепкие ребята. Когда спросил, не бандитского ли вида, оба замялись, а потом один сказал: «Обычные ребята – таких сейчас много». Внешность их описать не смогли. На вопрос, на каких машинах приезжали, ответа также не дали, сказали только, что на джипах. Номеров не помнят, а ведь сторожа обязаны записывать все марки и номера автомобилей, проезжающих на охраняемую территорию. Скорее всего, что-то получали от тех «обычных ребят»: спиртное, сигареты, может быть, и деньги. Утром не стал их колотить, сюда торопился, но сейчас отправлюсь к ним и скажу, что они будут привлечены по статье о соучастии или о недонесении о совершенном или готовящемся преступлении. Скажу, что речь идет о террористическом акте, и их ждет пожизненный срок, и только показания, данные против преступников, освободят их от сурового, но справедливого наказания. – Грицай подмигнул подчиненному. – Я погнал туда, к гаражам. А вы давайте по другим делам. Игореша сидит здесь на телефоне и прикрывает нас.

Майор взглянул на Гончарова и подмигнул:

– Не скучай тут.

Скучать не пришлось с самого начала. Почти сразу, как Гончаров остался один на весь отдел, включился селектор, и голос секретарши начальника РУВД произнес:

– Подполковник Жаворонков приказал всему отделу явиться к нему срочно.

Пришлось идти одному.

– Что ты притащился, – встретил его начальник РУВД, – я уже связался с твоим начальником. Он сказал, что скоро сам здесь будет. Грицай якобы этим делом уже занимается.

– Каким «этим»? – изобразил недоумение Гончаров.

– Ребята, вы уж договоритесь, что ли, промеж себя заранее, чтобы потом не путаться в показаниях. Не знаю, чем вы там занимаетесь, но весь город на ушах с самого утра стоит. Сколько дел у тебя лично в производстве?

– Так никаких дел пока нет, дело возбуждается по материалам оперативно-разыскной деятельности, если есть основания... А наша работа, согласно статье шесть об ОРД⁷: опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль за ...

– Ты чего, меня законам вздумал учить? – возмутился начальник РУВД. – Я просто не так выразился. Чем ты лично сейчас занимаешься?

– Я вообще-то на больничном.

⁷ Закон об оперативно-разыскной деятельности № 144 Ф-3.

– Вот и болей себе на здоровье. Иди домой... Хотя погоди. Тут такое дело – весь город на ушах... уже говорил. Так вот: в городе опять похитили человека. Не абы кого, а дочку крупного чиновника. И потребовали выкуп – миллион евро. И обязательно пятисотками. Мне Корнеев уже звонил и рассказал. Он сам был против того, чтобы платить выкуп, но...

– Пообещали отрезать девочке ухо, а подобный случай уже был, и Корню это известно...

– Ну да...

– А как похитили?

– Просто: девочку отвозил в школу и забирал оттуда водитель-охранник. Она вышла, села в машину, а там был уже другой человек. Потом машину нашли, водитель лежал связанным в багажнике... Объясняет, что, когда садился в машину, кто-то сзади ударил его по голове, а потом он ничего не помнит... Видеорегистратора в машине нет, то есть был, но сейчас снят... Но и он ничем не помог бы... Автомобиль с ребенком загнали во двор неподалеку, девочку пересадили в другую машину. Корень... то есть подполковник Корнеев считает, что ребенок свидетель и его могут...

– То есть деньги никто отдавать не собирается.

– Уже отдали. Настоящие деньги, не куклы с маячками, а реальные. Чиновник сказал, что он таких сумм никогда в жизни в глаза не видел и накоплений у него нет, но есть один знакомый предприниматель, который поможет...

– А чем чиновник занимается?

– Возглавляет комиссию по приему в эксплуатацию зданий.

– Если деньги отдали похитителям, то почему не отследили, кто их получил?

– Отслеживали. Похитители сказали, куда ехать, их указания выполнили. Район блокировали... потом приказали свернуть в один двор, где у стены стояла бортовая «Газель», подъехать и бросить сумку с деньгами в кузов, причем сделать это немедленно, а то деньги будут уже не нужны и девочке ничего уже никогда не понадобится. Человек, отвозивший деньги и получавший приказания, естественно, сделал все, как от него требовали. Те, кто телефон прослушивал, тоже были спокойны, ведь весь район был перекрыт. А когда деньги перебросили в кузов, «Газель» поехала – как оказалось, она стояла перед низкой и узкой аркой. Тронулась, въехала в нее и остановилась. Встала так плотно к обеим стенам арки, что не обойти ни справа, ни слева и снизу никак. Пока к машине подскочили группы захвата, было уже поздно. В «Газели» никого и в кузове тоже, сумка пустая, денег нет... И свидетелей не имеется. Никакая машина вроде как не отъезжала. Пошли проверять соседние дома – может, в какой-нибудь квартире укрылись похитители... Но ничего: пару дверей только зря выломали...

– Так это в нашем районе было? – удивился Гончаров. – Почему нас не задействовали и даже не предупредили?

– Корень хотел все сделать сам. Меня он предупредил в самый последний момент, что будет проводиться операция. Они же не знали, куда их поведут.

– Но он же не может вам приказать.

– Так он и не приказывал: операцией руководил начальник ГУВД лично, а Корень просто рядом стоял, и...

В кармане Гончарова зазвонил мобильный. Игорь посмотрел на экран – его вызывал Грицай.

– Здесь все плохо, – сказал он. – За будкой обнаружил тело одного из сторожей, его закололи заточкой. Мобильного при нем не было, но номер второго нашел на его столе под стеклом, где были записаны телефоны директора гаражного городка, электрика, эвакуатора, тягача и прочие... Со вторым сторожем я уже связался: он дома. Я попросил его никуда не выходить и никому не открывать. Подпереть дверь всем, чем можно... Сейчас уже еду к нему.

– А мне что делать?

– Сиди там для связи. Я уже по адресу ГЗ⁸ направил. Надо же было так лохануться! Ведь как чувствовал, что оба сторожа что-то знают! Надо было сразу брать их, а я утром в отдел торопился.

До начальника РУВД, очевидно, что-то из трубки долетало, потому что, как только Гончаров закончил разговор, он спросил:

– Кто там лоханулся? Какая группа захвата? Вы там что, самодеятельностью занимаетесь?

– Лоханулся подполковник Корнеев, – объяснил Игорь, – а мы сидим на хвосте у похитителей. Корень не знает ничего, ему похитители приказывают – бери деньги, вези их сюда, вези туда... Ему неизвестны ни численность преступной группы, ни кто в нее входит, кто руководит, где они скрываются.

– А вы все это знаете и молчите?

– Так нам приказано было не соваться в их дела. Вот мы и не суемся. Мы сами работаем как умеем.

– Ты больной? – спросил Жаворонков. – Так иди болей! Хотя нет, оставайся. Тебе не привыкать – вы там у себя в отделе все больные... Сегодня же я приду к вам и наведу порядок. Нет, лучше завтра. Что у нас завтра?

– Пятница, – напомнил Гончаров.

– Пошел отсюда! – не выдержал Жаворонков. – И если что-то собираетесь предпринимать, то меня предупреждайте, пожалуйста, заранее. И куда вообще Грицай направляется?..

⁸ ГЗ – машина с группой захвата.

Глава шестая

В понедельник Игорь Дмитриевич приехал на работу чуть раньше обычного, у дежурного взял ключ от кабинета, поднялся и сразу увидел стоящего у стены практиканта. Открыл дверь и махнул рукой парню:

– Заходи!

Тот зашел и остался возле дверей.

– Это кабинет твоего отца, – произнес Гончаров, – здесь все осталось, как при нем было. Даже фотография президента та же самая. На столе еще была фотография, на которой ты с мамой, но я снимок ей отдал. Как мама, кстати? Я слышал, она секретарем у Корнеева?

– Она уходит в городской суд. Виктор Николаевич в Москву перебирается.

– Про это слышал. Чего стоишь, присаживайся. Может, когда-нибудь этот кабинет будет твоим. На каком факультете учишься?

– На третьем.

– Факультет оперативной работы? Как раз по нашему профилю. Я-то в свое время Морской университет окончил, штурманский факультет. Два года в моря ходил, потом списался на берег, а в порту работы было мало... Предложили в милицию... То есть в полицию; и я неожиданно для самого себя согласился. И вдруг понравилось... Может, потому что с отца твоего пример брал. Он для меня как учитель во всем был, а ведь старше меня всего ничего...

– На семь лет, – подсказал Петя.

В кабинет стали заходить и другие сотрудники. И каждый, пожав руку начальнику и практиканту, сетовал, что в пятницу не удалось провести подведение итогов. Только капитан Семенов вспомнил, почему в конце минувшей недели начальника не было на работе.

– Как дача? – спросил он.

– Съездим как-нибудь всем коллективом на шашлыки, и ты все сам увидишь..

Про раскрытое Гончаровым убийство никто не знал. Петя смотрел на Игоря Дмитриевича, ожидая, что тот расскажет сам, но майор молчал. Уже начали расходиться по своим рабочим местам, как позвонили из дежурки и сказали, что в офисе туристической компании «Санбич» обнаружен труп.

– Колюжный, которого в пятницу повесили, был директором этой компании, – вспомнил Петя.

– Колюжный? – удивился Семенов. – Который в пятницу повесился и сорвал подведение итогов?

– Вообще-то его повесили, – ответил Игорь Дмитриевич. – Но мы с практикантом убийство раскрыли по горячим следам: без Петра не получилось бы. Так что мы вдвоем сейчас в этот офис полетим и попытаемся разобраться. Что-то странное творится в этой фирме, если все руководство скоростно один за другим...

Офис туристической компании «Санбич» располагался на первом этаже нового жилого дома. Вестибюля не имелось: возможно, когда-то он был запланирован, но превратился в просторную приемную, из которой небольшой коридор вел в огромный зал, разделенный прозрачными перегородками, где за своими столами сидели менеджеры. Или должны были сидеть, потому что возле секретарской стойки столпились девушки в одинаковых костюмчиках, похожих на униформу стюардесс, – синяя коротенькая юбочка, белая блузка и шелковый платочек на шее, больше напоминающий пионерский галстук, чем классический шейный платок.

За стойкой сидела еще одна девушка, на ней был белый пиджачок с торчащим из кармана шелковым платочком, сшитым из того же шелка, что и галстучки у остальных сотрудниц. Лицо у девушки было заплаканное, а остальные сотрудницы выглядели просто испуганными.

– Вы – Вика? – обратился к секретарше Гончаров. – Мы с вами в пятницу два раза беседовали по телефону.

Девушка кивнула, а потом начала подниматься.

Майор посмотрел на всех остальных.

– Девушки, разойдитесь по местам и ожидайте, когда вас вызовут для дачи показаний. Ваш трудовой день закончен досрочно. Сегодня здесь работает полиция. – Потом он повернулся к практиканту и приказал: – Петя, закрой входную дверь и повесь какую-нибудь табличку или напиши на листке: «В связи с пандемией офис закрыт. Все справки по телефону с завтрашнего дня».

Потом он посмотрел на эксперта:

– Сафонов, чего встал? Тебя живые люди должны менее всего сейчас интересоваться, – и показал на дверь с табличкой «Президент компании Николай Ильич Лукин».

Девушка достала из своей сумочки салфетку и начала вытирать нос.

– Кто обнаружил труп? – спросил Гончаров.

Вика громко всхлипнула, и тогда он задал вопрос иначе:

– Кто первым увидел тело?

– Я, – тихо сказала девушка, – пришла на работу, а он уже здесь. Его «Мерседес» прямо перед входом стоял. Дверь в кабинет была закрыта... Я сидела здесь... Потом подумала, что он почему-то не выходит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.